

Уважаемые студенты!

Вам необходимо ознакомиться лекцией. Сделайте конспект. Проработайте вопросы для контроля. Работы присылайте на почту: irina-ovsyannikova1959@mail.ru
По вопросам звоните: 072-105-72-11

Тема: Федор Иванович Тютчев (1803-1873)

Философская, общественно-политическая и любовная лирика Ф.И. Тютчева. Художественные особенности лирики Ф.И. Тютчева.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892)

Художественные особенности лирики А.А. Фета. Мотивы и художественное своеобразие лирики А.А. Фета.

Теория литературы. Жанры лирики. Авторский афоризм.

Алексей Константинович Толстой (1817-1875)

Идейно-тематические и художественные особенности лирики А.К. Толстого. Наследия А.К. Толстого. Сатирическое мастерство поэта

Николай Алексеевич Некрасов (1821-1878)

Гражданская позиция поэта. Журнал «Современник». Своеобразие тем, мотивов, образов поэзии Н.А. Некрасова 1840-1850-х и 1860-1870-х годов. Жанровое своеобразие лирики Некрасова. Любовная лирика Н.А. Некрасова. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» (*обзор с чтением отрывков*).

План.

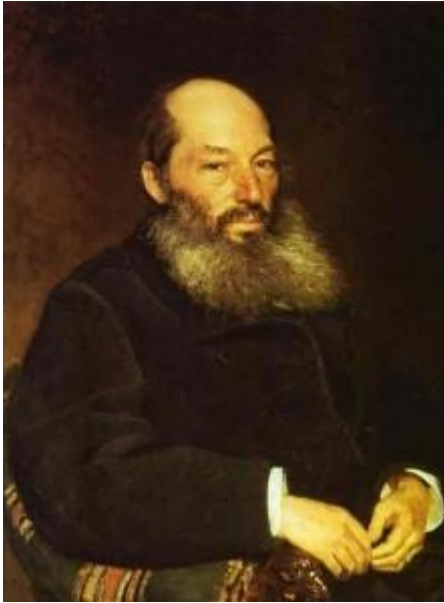
1. Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892)
2. Федор Иванович Тютчев (1803-1873)
3. Николай Алексеевич Некрасов
4. Николай Алексеевич Некрасов (1821-1878)

Афанасий Афанасьевич Фет (1820-1892)

Сведения из биографии.

Художественные особенности лирики А.А. Фета. Темы, мотивы и художественное своеобразие лирики А.А. Фета.

Стихотворения: «Шепот, робкое дыханье...», «Это утро, радость эта...», «Вечер», «Я пришел к тебе с приветом...».



Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) был выпускником Московского университета. Именно в годы обучения в университете (1838–1844 гг.) он выпустил свой первый поэтический сборник (1840) и был признан оригинальным и многообещающим поэтом. Началом своей литературной деятельности Фет считал 1839 г., когда тетрадку его стихов прочитал Гоголь и сказал, что это «несомненный талант». 11 февраля 1859 г. Фет был избран членом Общества любителей российской словесности при Московском университете (по предложению Льва Толстого, ставшего членом Общества незадолго до этого). Ниже предлагается популярный очерк о жизни и творчестве Фета, который являлся не только великим поэтом, но и, что менее известно, интересным публицистом и плодовитым переводчиком античных и новоевропейских авторов.

Стою я, овеянный жизнь иною,
Я с речью нездешней, я с вестью из рая.

А.А. Фет, «Romanzero, III» (1882)

Свою жизнь Фет как-то назвал «самым сложным романом», и у него были на то основания. Уже в истории его появления на свет есть любовная интрига и запутанный, почти детективный сюжет.

Осенью 1820 г. Афанасий Неофитович Шеншин, отставной офицер, участник войн с Наполеоном 1805–1807 гг., из Германии, где долго отдыхал на водах, привез в свое орловское имение Новосёлки чужую беременную жену. 23 ноября (5 декабря н. ст.) 1820 г. в Новосёлках у Шарлотты Фёт родился мальчик. Через неделю он был крещен, назван Афанасием и в метрической

книге местной церкви записан сыном Шеншина. Согласие на развод оскорбленный Фёт дал только 1822 г.

С большим трудом родители смогли добыть ему «честную» фамилию Фёта (нужные бумаги, поскольку сам Фёт, не признававший свое отцовство, к тому времени скончался, выдал дед – Карл Беккер). Пока шла переписка, его отправили подальше от дома – в лифляндский городишко Верро, в частный немецкий пансион. Именно здесь он узнал, что отныне должен именоваться не потомственным русским дворянином Шеншиным, а «иностранцем Афанасием Фётом» (ё он заменит на е в начале 1840-х гг.).

Это была катастрофа. Юноша разом лишился прав дворянина, прав на наследство и права зваться сыном того, кого считал своим отцом, а воспитанники пансиона стали задавать ему вопросы, на которые он не знал, что отвечать.

Два года в Верро (1835–1837), по словам Фета, положили начало «жесточайшим нравственным пыткам» всей его жизни. Почти 40 лет он будет добиваться возвращения хотя бы дворянского звания и ради этого поступит на военную службу. Однако главное несчастье его жизни составит все-таки не столько лишение дворянства и связанных с ним привилегий, сколько потеря родового имени.

В 1873 г., уже известный поэт и состоятельный помещик, не имея никакой практической в этом надобности, он напрямую обратится к императору Александру II, и тогда выйдет высочайший указ о «присоединении отставного гвардии штаб-ротмистра Аф. Аф. Фета к роду отца его Шеншина, со всеми правами, званию и роду его принадлежащими». С этого момента все свои письма он будет подписывать только именем Шеншина, даже метки на столовом серебре велит переделать. Некоторые (например, И.С. Тургенев) тогда сочли это признаком суетности поэта, но для него имя значило больше, чем запись в документах. «Теперь, когда все, слава Богу, кончено, – писал он тогда жене, – ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет. Умоляю тебя, никогда его мне не писать, если не хочешь мне опротиветь. Если спросить, как называются все страдания, все горести моей жизни? Я отвечу тогда: имя Фет». Однако стихи свои он до конца дней печатал под этим «ненавистным» ему именем.

Два имени соответствовали двум образам этого человека: потомственный русский дворянин Шеншин, с юных лет преследуемый злой судьбой, и Афанасий Фет – безродный поэт, священнодействующий в храме искусства.

Я между плачущих Шеншин,
И Фет я только среди поющих.

(«Член Академии больной...», 1887)

В начале 1838 г. Фета привозят в Москву для подготовки к поступлению в университет. За советом, «где и как поместить сына», Шеншин через посредника обращается к профессору М.П. Погодину, известному литератору и историку, содержавшему у себя частный пансион. Погодин поселяет Фета во флигеле своего дома, где тот, пользуясь почти полной свободой, занятия в пансионе посещает лишь по собственному желанию. Летом 1838 г. Фет успешно выдерживает вступительные университетские испытания и становится студентом.

В Московском университете Фет учился в 1838–1844 гг., сначала на юридическом, потом на словесном отделении Юношей, погруженных в свои творческие думы, это ничуть не стесняло. О том времени Фет позднее вспоминал в своей поэме «Студент» (1884):

Я был студентом. Жили мы вдвоем
С товарищем московским в антресоле
Родителей его. Их старый дом
Стоял близ сада, на Девичьем поле,
Нас старики любили и во всем
Предоставляли жить по нашей воле –
Лишь наверху; когда ж сходили вниз,
Быть скромными – таков наш был девиз.
Нельзя сказать, чтоб тяжкие грехи
Нас удручали. Он долбил тетрадки
Да Гегеля читал; а я стихи
Кропал; стихи не выходили гладки.
Но, Боже мой, как много чепухи
Болтали мы; как нам казались сладки
Поэты, нас затронувшие, все:
И Лермонтов, и Байрон, и Мюссе.

Аполлон Григорьев, Фет, Яков Полонский и Иринарх Введенский (трое начинающих стихотворцев и один будущий философ) составили тесный дружеский кружок. Талант Фета, начавшего сочинять стихи еще в пансионе, здесь признавался безоговорочно и служил предметом почти суеверного поклонения.

Увлекаясь романтическими поэтами («И Лермонтов, и Байрон, и Мюссе»), Фет не упускал случая пощеголять демонической разочарованностью среди сверстников.

Фет, рассуждая о собственных стихах, любил подчеркивать «интуитивный характер» своих «поэтических приемов», что не могло не импонировать романтику Григорьеву. Вероятно, у них не раз заходила об этом речь, и Фет рассказывал что-то сходное с тем, как в его «Воспоминаниях» описаны первые, еще пансионских лет, приступы поэтического вдохновения

Через 50 лет именно с этого момента Фет отсчитывает начало своей литературной деятельности и в январе 1889 г. официально отпразднует свой юбилей.

В 1840 г. вышел из печати первый сборник его стихов под заглавием «Лирический пантеон» – сборник еще вполне юношеский, но литературной публикой замеченный и принятый, в общем, благосклонно «С великим участием» к его стихам отнесся профессор С.П. Шевырев, в то время один из самых глубоких знатоков и ценителей поэзии. «Он, – вспоминал Фет, – снисходительно проводил за чаем по часу и по два в литературных со мною беседах. Эти беседы меня занимали, оживляли и вдохновляли».

При посредничестве Шевырева с конца 1841 г. стихи Фета регулярно появляются на страницах издававшегося Погодиным журнала «Москвитянин». Это был консервативный журнал, православный и монархический, в котором Шевырев выступал в качестве главного идеолога и ведущего литературного критика. Но с 1842 г. Фет печатается еще и в либеральном западническом журнале «Отечественные записки», где главной фигурой был Белинский. Одновременное сотрудничество в двух непримиримо враждующих изданиях было возможно только потому, что в стихах Фета политические вопросы не затрагивались и в самой малой степени.

Дрожанье фарфоровых чашек

И речи замедленный ход.

(«Деревня», 1842)

Сами ситуации, вызвавшие переживания поэта, как правило, остаются непроясненными, да это и не нужно. Вот, например, стихотворение 1842 г.:

Я жду... Соловиное эхо

Несется с блестящей реки,

Трава при луне в бриллиантах,

На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад...
Прости, золотая, прости!

Другой автор поведал бы нам, пришла ли наконец возлюбленная, а Фет даже не намекнул, да и неясно, было ли свидание назначено и вообще – возлюбленную ли он ждал или падения звезды. Читатель вправе пофантазировать. Поэта же занимает само ожидание, почти физически осязаемое, вплоть до «трепета в руках и в ногах».

В 1844 г., когда Фет окончил университет, он уже обладал, пусть и скромною, но все-таки известностью в качестве поэта. Перед ним уже открывалось манившее его литературное поприще, но оно сулило только богемное существование на случайные заработки, которое не имевшего собственных средств Фета не устраивало, тем более что стихи тогда вообще были не в моде и на многое рассчитывать не приходилось. К тому же он твердо задался целью вернуть себе потомственное дворянство. Скорее всего доставить его могла военная служба, и в 1845 г. Фет поступил унтер-офицером в кирасирский полк, расквартированный в Херсонской губернии. С братьями по перу и мечтами о литературной славе на время пришлось расстаться.

В южных губерниях, вдали от столиц, со своим кирасирским полком Фет провел не многим менее десяти лет. С армейскими буднями, малообразованной средой кавалеристов и провинциальных помещиков он скоро свыкся, завоевал уважение товарищей и доверие начальства, рос в чинах и пользовался репутацией отличного служака. Но с достижением «цели» ему фатально не везло. Дважды, буквально накануне производства его в чин, дающий дворянство, законы менялись, и, чтобы получить желаемое, нужно было служить до следующего чина. Когда, уже после восшествия на престол Александра II, выйдет указ, что теперь только чин полковника может принести потомственное дворянство, дослужившийся до майора Фет бросит свой «Сизифов камень» и в 1858 г. выйдет в отставку. А

пока он закаляет волю и стоически переносит тяготы воинской службы и скитания по глухим углам, не оставляя притом литературных занятий. Правда, стихи он пишет значительно реже, чем в Москве, зато прилежно занимается переводами из латинских авторов (в основном из любимого Горация, которого начал переводить еще в университете).

К 1847 г. Фет уже подготовил новый сборник стихотворений. Из-за равнодушия публики к стихам и трудностей связи со столичными издателями три года он пролежал без движения, но в 1850 г. все-таки вышел. Изданием сборника занимался Аполлон Григорьев, распределивший стихотворения Фета по 15 разделам (в позднейших изданиях, вплоть до задуманного им перед смертью, в 1892 г., поэт будет распределять свои стихи по тем же разделам, лишь дополняя их новыми сочинениями[3]). Конечно, для литератора, отвыкшего за пять лет от внимания читателей, издание теперь уже вполне зрелого сборника стихов было огромной радостью. Но в жизни его тут же разыгралась новая драма, теперь любовная.

Где-то в начале 1849 г. он сдружился с бедною родственницей своих провинциальных знакомых – тонкой и умной 22-летней девушкой, игравшей на рояле, любившей романы Жорж Санд и стихи. Взаимная симпатия незаметно переросла в страстную, хотя и не высказываемую любовь. Фет, человек без рода и состояния, с жалованием, едва хватавшим на обмундирование, брак считал для себя невозможным и однажды, «чтобы разом сжечь корабли взаимных надежд», собрался с духом и сказал ей об этом. «Я люблю с вами беседовать, – отвечала она, – без всяких посягательств на вашу свободу». Вскоре полк перевели в другое место, они расстались, но продолжали обмениваться письмами. А летом 1850 г. она погибла ужасною смертью: от непотушенной спички загорелись постель и платье, несчастная выбежала на балкон, на открытом воздухе огонь усилился, подоспевшие на помощь нашли охваченную пламенем комнату и девушку на балконе в страшных ожогах, повторявшую по-французски: «Спасите письма». Через четверо суток она скончалась.

Вся эта история в подробностях известна только из фетовских «Воспоминаний», где девушка именуется Еленой Лариной (по ассоциации с пушкинской Татьяной, любовь которой столь опрометчиво отверг Евгений Онегин).

Стихи, обращенные им к памяти умершей возлюбленной, полны неподдельного трагизма. Исследователи выделяют особый цикл стихотворений Фета, связанных с Лазич, включая в него то большее, то меньшее их количество. Обычно в этот цикл включают стихотворения «Старые письма» (1851), «Ты отстрадала, я еще страдаю...» (1878), «Солнца

луч промеж лип был и жгуч и высок...» (1885), «Долго снились мне вопли рыданий твоих...» (1886), «Нет, я не изменил. До старости глубокой...» (1887) и ряд других.

У любви есть слова, те слова не умрут.

Нас с тобой ожидает особенный суд;

Он сумеет нас сразу в толпе различить,

И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

В 1853 г. Фету удалось добиться перевода в гвардию, в уланский полк, расквартированный не очень далеко от Петербурга. Он получил возможность часто бывать в столице и вскоре возобновил старые и приобрел некоторые новые литературные знакомства. Интерес публики к поэзии тогда оживился, а сборник стихотворений 1850 г. представлял Фета как уже вполне состоявшегося поэта, и столичные литераторы радушно приняли его в свой круг.

В 1858 г. Фет переезжает в Москву, в 1859 г. окончательно разрывает отношения с «Современником» (как, впрочем, и Тургенев, и Лев Толстой и многие другие), а потом и вовсе решает бросить городскую жизнь. Он к этому времени уже в отставке, женат на сестре Боткина Марии Петровне (с 1857 г.) и располагает некоторой суммой, взятой в приданое. Всю ее он в 1860 г. отдает на покупку хутора среди голой степи в родном Мценском уезде. Друзья-литераторы (за немногими исключениями) сожалеют о чуде.

Хутор, приобретенный Фетом, назывался Степановка. Он прибыл сюда вместе с женой в 1861 г. Перед ним были 200 десятин пахотной земли, полуразрушенный дом и ни одного деревца и ручейка вокруг. Не было и бесплатных работников: Манифест 19 февраля отменил крепостное право. Но упорства и трудолюбия поэту было не занимать, и он взялся за дело.

Тургенев, всю жизнь получавший доходы со своего имения по почте от управляющего, как-то посетил Фета в Степановке и писал не без удивления: «Он теперь сделался агрономом – хозяином до отчаянности, отпустил бороду до Зата полное сочувствие Фету выказывал другой бородатый «агроном» – Лев Толстой: «Вашей хозяйственной деятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее. И немножко горжусь, что и я хоть немного содействовал ей».

За 17 лет, прожитых в Степановке, Фет превратил это голое место в процветающее, доходное хозяйство с усадьбой и липовыми аллеями

В итоге Фет был освистан как челоуененавистник, мироед и – уж вопреки всякой логике – как злостный крепостник, оплакивающий старые

времена. Но журнальные бури Фета не задевали. Степановка была его дом, крепость среди общественных «непогод».

Это занятие отнимало много времени и ничего, кроме познания будничной жизни, не давало, но он видел в ней свой долг. В своей практической деятельности Фет даже находил какую-то поэзию и в одном из очерков нарисовал портрет подобного ему самому хозяина-труженника: «Я вижу его напрягающим последние умственные и физические силы, чтобы на заколебавшейся почве устоять, во имя просвещения, которое он желает сделать достоянием своих детей, и наконец, во имя любви к делу. Вижу его устанавливающим и улаживающим новые машины и орудия, почти без всяких на то средств; вижу его по целым дням перебегающим от барометра к спешным полевым работам, с лопатой в руках в саду, и даже на скирде сена непосредственно наблюдающим за прочною и добросовестною кладкой его, а в минуты отдыха за книгой или журналом».

В Степановке Фет начинает работу над мемуарами Много в это время Фет занимается и переводами, законченными в основном уже в 1880-х гг.

Собственных стихов он, однако, пишет мало и почти совсем не печатает (последний, итоговый, как думал тогда Фет, двухтомник он издал в 1863

В 1877 г. Фет продал благоустроенную им Степановку, купил дом в Москве и живописное, над склоном реки, имение Воробьевку в Щигровском уезде Курской губернии. Лето он теперь проводит здесь, а зиму в Москве. Все хозяйственные заботы переданы управляющему. И муза к освободившемуся, наконец, от житейских попечений поэту приходит немедленно – вся огнях, в лучах и молниях.

Ты вся в огнях. Твоих зарниц

И я сверканьями украшен...

(«Ты вся в огнях. Твоих зарниц...», 1886)

Под названием «Вечерние огни» Фет выпустил четыре сборника («выпуска») новых своих стихотворений (1883, 1885, 1889, 1891). Пятый он уже не спел выпустить Предназначавшиеся для него стихотворения частично и в ином порядке вошли в изданный после смерти Фета двухтомник «Лирические стихотворения» (1894), подготовленный его почитателями – критиком Н.Н. Страховым и поэтом К.Р. (великим князем Константином Константиновичем Романовым).

«Вечерние огни» – эти книжки, изданные «для друзей», и, пожалуй, лучшее из написанного Фетом.

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля – и теплится, как море.

Мой дух, о ночь, как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной
И, окрылен дыханием твоим,
Готов лететь над этой тайной бездной.
(«Как нежишь ты, серебряная ночь...», 1865?)

Поздние стихи Фета, отчасти под влиянием Тютчева, приобрели некоторую философичность, но мысль в них часто почти без остатка поглощена эмоцией, интонацией. Эти стихи, как музыку, трудно пересказать. «Стих Фета, – писал Н.Н. Страхов, – имеет волшебную музыкальность, и притом постоянно разнообразную; для каждого настроения души у поэта является своя мелодия, и по богатству мелодий никто с ним не может равняться». П.И. Чайковскому же Фет вовсе напоминал Бетховена, а не кого-нибудь из поэтов: «Подобно Бетховену, ему дана власть затрагивать такие струны нашей души, которые недоступны художникам, хотя бы и сильным, но ограниченными пределами слова. Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом». Фету действительно как будто тесно было в пределах слов. Поэтических деклараций на этот счет у него множество.

О если б без слова
Сказаться душой было можно!
(«Как мошки зарею...», 1844)

Что не выскажешь словами,
Звуком на душу навей!
(«Поделись живыми снами...», 1847)

Людские так грубы слова,
Их даже нашептывать стыдно!

(«Людские так грубы слова...», 1889)

Одно позднее стихотворение 1887 г. целиком посвящено этой теме:

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

Обойтись без слов, составлять тексты из одних звуков, подобно позднейшим модернистам, Фет не пробовал, хотя Тургенев, например, шутил, что ждет от него стихов, которые надо будет произносить одним шевелением губ. Фет владел тайной слова. Звучание у него неотделимо от смысла, часто «несказанного», но внятного равнодушному читателю. Слово поэта не просто слово, а, по Фету, «крылатый слова звук». Между прочим, когда сборники своих стихов он составлял сам, особенно заботился, чтобы два одинаковых по стихотворному размеру и количеству строк стихотворения не оказывались рядом. Этим и достигалось впечатление необыкновенного «богатства мелодий».

В ранней лирике Фета мелодии его стихов чаще камерные, интимные. Поздние стихи звучат уже почти органною мощью.

Я видел твой млечный, младенческий волос,
Я слышал твой сладко вздыхающий голос —
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,

Где веришь, что счастьем не будет конца.

(«Я видел твой млечный, младенческий
волос...», 1884)

Как ни странно, поздняя его лирика в основном любовная. По страстности стихов о любви, написанных 70-летним человеком, Фет, как полагают, почти не имеет себе равных во всей мировой поэзии (вспоминают в этой связи обычно лишь И.В. Гёте).

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завой, и блески, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же пред самым закатом
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

(«Моего тот безумства желал, кто
смежал...», 1887)

Когда Фета спрашивали, каким образом он, по его собственным словам, «полуразрушенный, полужилец могилы», может так писать о любви, он отвечал просто и, наш взгляд, вполне искренне: «По памяти». А в стихах отрицал власть над собой времени, побежденного силой внутреннего «огня»:

Все, все мое, что есть и прежде было,
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила:
Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отрадно и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.
(«Все, все мое, что есть и прежде было...», 1887)

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,

Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.
(«Еще люблю, еще томлюсь...», 1890)

Трудолюбию находящегося в преклонных годах Фета можно удивляться не меньше, чем любовному пылу его старческих стихов.

Последние дни поэта были омрачены тяжелейшими приступами астмы (которой он страдал всю жизнь), и кончина его была странной. О ней со слов очевидицы в 1916 г. в своей книге «Ледоход» рассказал Б.А. Садовской, известный литератор Серебряного века, повсюду собиравший сведения о Фете.

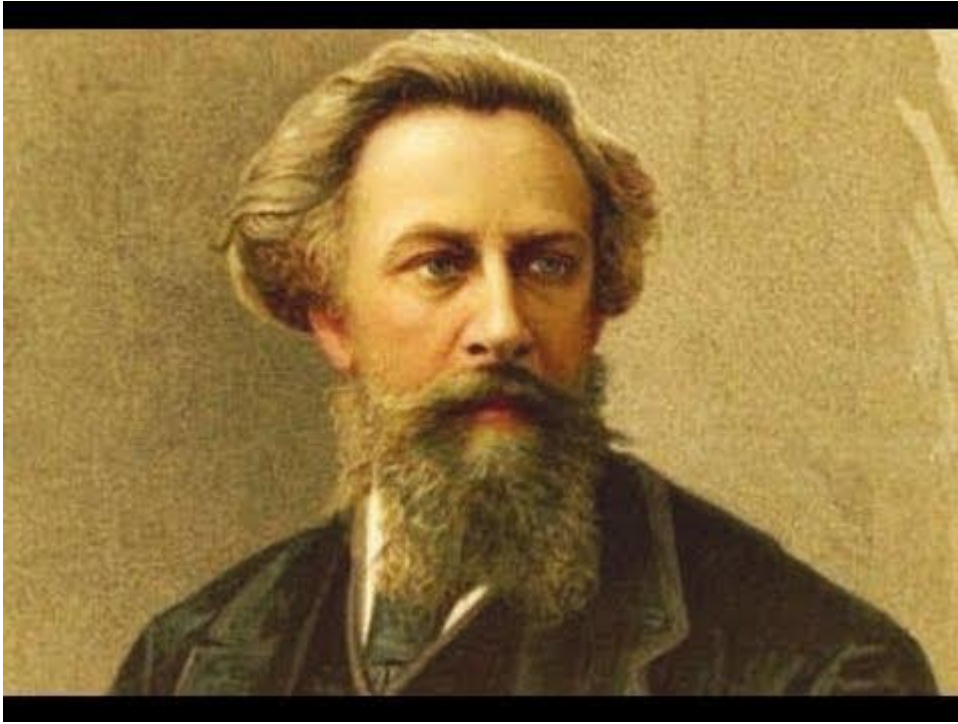
Утром 21 ноября 1892 г. он внезапно пожелал шампанского и отправил жену к доктору за разрешением, потом призвал секретаршу и продиктовал ей записку: «Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному». Подписавшись под этими словами, вдруг схватил со стола ножик для разрезания бумаг. Секретарша ножик отняла и стала звать на помощь. Тогда он бросился бежать по комнатам к шифоньерке, где хранились столовые ножи, не смог открыть дверцу и рухнул на стул со словом «черт!» Глаза его широко раскрылись, будто он увидел что-то страшное, рука поднялась для крестного знамения, и Фет-Шеншин умер.

Алексей Константинович Толстой (1817-1875)

Сведения из биографии.

Идейно-тематические и художественные особенности лирики А.К. Толстого. Многожанровость наследия А.К. Толстого. Сатирическое мастерство поэта.

Стихотворения: «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..», «Меня во мраке и в пыли...», «Двух станов не боец, но только гость случайный...», «Против течения», «Средь шумного бала, случайно...»,



А.К. ТОЛСТОЙ

1817-1875

Алексей Константинович Толстой — многосторонний художник: лирический поэт, автор исторических баллад и былин, прозаик, драматург. И.С. Тургенев писал, что он «...обладал в значительной степени тем, что одно дает жизнь и смысл художественным произведениям — а именно: собственной оригинальной и в то же время разнообразной физиономией; он свободно, мастерской рукой распоряжался родным языком ... оставил в наследство своим соотечественникам прекрасные образцы драм, романов, лирических стихотворений ... был создателем нового у нас литературного рода, — исторической баллады, легенды».

ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ А.К. ТОЛСТОГО

Есть ряд фактов биографии А.К. Толстого — важных для понимания мировоззрения и творчества писателя. Воспитывался А.К. Толстой известным беллетристом Алексеем Алексеевичем Перовским (дядей со стороны матери) — известным в русской литературе под псевдонимом Антоний

Раннее представление А.К. Толстого к царскому двору (в 1829 г.) не менее важный факт биографии, оказавший существенное влияние как на его

личную судьбу, так и на творчество и мировоззрение. С наследником престола, будущим императором Александром II, он был дружен с детских лет. По словам современников, Толстой — «домашний человек у наследника и входит к нему без доклада». С 1826 г. А. Толстой живет в Москве, получает домашнее образование, готовится к университетскому экзамену по предметам словесного факультета. В 1831 г. последовало длительное путешествие по странам Европы: А.К. Толстой побывал в Италии, в городах Венеция, Верона, Милан, Генуя, Пиза, Лукка, Флоренция, Рим, Неаполь. В Германии он был представлен высокопоставленным лицам и знаменитостям, в частности Гете и великому герцогу Карлу Александру.

В 1834 г. А.К. Толстой был зачислен в московский архив министерства иностранных дел. Необременительная архивная работа повлияла на формирование интереса писателя к историческому прошлому России. С 1837 г. начинается четырехлетний период пребывания Толстого за границей (Германии, Италии, Франции) на дипломатической работе.

В 1840-х годах поэт возвращается в Петербург и служит во 2-м отделении е. и. в. канцелярии, ведавшего вопросами законодательства. В это же время укрепляются придворные связи поэта и, вместе с тем, растет желание освободиться от службы. Главное место в его жизни начинает занимать литература.

В 1841 г. А.К. Толстой печатает под псевдонимом «Красно-рогский» (от названия имения, в котором он провел детские годы, Красный Рог) свою первую фантастическую повесть «Упырь», которую позже, однако, автор не включил в собрание сочинений. Вновь издана она была лишь в 1900 г. Вл. Соловьевым. В 1840-е годы писатель начинает работать над романом «Князь Серебряный»; в это время появляется ряд известных стихотворений — «Колокольчики мои», баллады «Курган», «Василий Шибанов» и другие. Серьезная литературная известность пришла к А.К. Толстому в 1850-е годы. В это время начинается литературное сотрудничество с двоюродными братьями Жемчужниковыми (Алексеем, Александром, Львом, Владимиром). В первой половине 50-х годов совместно с Алексеем, Владимиром и Александром Жемчужниковыми А.К. Толстой создает образ Козьмы Пруткова.

Во время Крымской войны 1853—1856 гг., решительным образом сказавшейся на жизни всех русских людей, А.К. Толстой отправляется в действующую армию добровольно, но принять участия в военных действиях

ему не удалось, так как под Одессой он опасно заболел тифом и находился на грани жизни и смерти. Путешествие по южному берегу Крыма после болезни повлекло за собой создание цикла стихотворений «Крымские очерки».

В конце 50-х годов А.К. Толстой начинает работу над поэмой «Дон Жуан», продолжает работу над романом «Князь Серебряный», печатает стихотворные произведения в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский вестник», «Русская беседа».

А.К. Толстой принадлежал к высшей дворянской знати, вращался в избранных светских кругах обеих столиц, придворном обществе. Благополучная, блистательная, насыщенная впечатлениями и светскими развлечениями жизнь составляла внешнюю сторону существования А. Толстого. Внутреннее же ее содержание иное — одиночество, замкнутость, постоянное желание удалиться от официальной службы, во многом книжные представления о мире.

«Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природе», «Служба и искусство несовместимы», «Я не могу восторгаться вицмундиром, и мне запрещают быть художником», — подобные высказывания звучат в письмах поэта, начиная с 1840-х и кончая 1860-ми годами. Окончательная отставка от службы произошла в 1861 г.; с этого времени А.К. Толстой вел независимую жизнь аристократа в своих поместьях и за границей. В начале 60-х годов издана была поэма «Дон Жуан», роман «Князь Серебряный». В 1863—1870 годах появляется знаменитая драматическая трилогия Толстого — «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». В 1867 г. выходит сборник стихотворений поэта, подводящий итог 20-летней поэтической работы. В конце 1860—1870-е годы появляются новые сатирические произведения Толстого. В 70-е годы писатель начинает работу над драмой «Посадник», события которой происходят в древнем Новгороде, но пьеса эта не была закончена.

ЛИРИКА А.К. ТОЛСТОГО

А.К. Толстой — поэт с ярко выраженным своеобразием. Его представления о поэзии, ее месте в жизни человека, назначении, характере поэтического творчества развивались под влиянием идеалистических идей. В одном из писем к жене,

С.А. Толстой, поэт так определил характер творчества: «...знаешь, что я тебе говорил про стихи, витающие в воздухе, и что достаточно их ухватить за один волос, чтобы привлечь их из первобытного мира в наш мир... Мне кажется, что также относится к музыке, к скульптуре, к живописи. Мне кажется, что часто, ухватившись за маленький волосок этого древнего творчества, мы неловко дергаем, и в руке у нас остается нечто разорванное или искалеченное или уродливое, и тогда мы дергаем снова обрывок за обрывком, а потом пытаемся склеить их вместе или то, что недостает, заменяем собственными измышлениями, подправляем то, что сами напортили своей неловкостью, и отсюда — наша неуверенность и наши недостатки, оскорбляющие художественный инстинкт... Чтобы не портить и не губить то, что мы хотим внести в наш мир, нужны либо очень зоркий взгляд, либо совершенно полная отрешенность от внешних влияний, великая тишина вокруг нас самих и сосредоточенное внимание, или же любовь, подобная моей, но свободная от скорби и тревог». В поэтической форме эти взгляды были высказаны А.К. Толстым в программном стихотворении «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...»:

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты
создатель!

Вечно носились они над землею, незримые оку.

...Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть и слышать,

Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье,

лишь слово,

Целое с ним вовлекает создание в наш мир удивленный.

Представляя обзор творчества поэта в статье «Поэзия гр. А.К. Толстого», Вл. Соловьев отмечал главную идею стихотворения: «Истинный источник поэзии, как и всякого художества, — не во внешних явлениях и также не в субъективном уме художника, а в самобытном мире вечных идей или первообразов».

А.К. Толстой назвал себя «певцом, державшим стяг во имя красоты». В поэме «Иоанн Дамаскин» он писал:

Мы ловим отблеск вечной красоты:

Нам вестью лес о ней звучит отрадной,

О ней поток гремит струею хладной И говорят, качаяся, цветы.

«Мое убеждение состоит в том, — отмечал А.К. Толстой, — что назначение поэта — не приносить людям какую-нибудь непосредственную выгоду или пользу, но возвышать их моральный уровень, внушая любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение безо всякой пропаганды». Толстой высказал эту мысль уже на закате своих дней, в 1874 г., когда подводились итоги жизни, но начиная с 1840-х годов поэт не приемлет то прагматическое понимание искусства, которое начало укореняться в литературе. О примитивно понимаемой пользе, в том числе и искусства, высказывались многие русские писатели-мыслители — Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров и др. В 1871 г. Толстой напишет «балладу с тенденций» «Порой веселой мая», в которой в яркой сатирической форме (диалога наивной невесты и прагматического жениха) представит «полезные» воззрения нового времени:

И взор ее он встретил,

И стан ей обнял гибкой.

— О, милая! — ответил Со страстную улыбкой:

— Здесь рай с тобою сущий!

Воистину все лепо!

Но этот сад цветущий Засеют скоро репой!

Наивысшим проявлением красоты жизни была для А.К. Толстого любовь. Именно любовь открывает человеку суть мира:

Меня, во мраке и пыли Досель влачившего оковы,

Любови крылья вознесли В отчизну пламени и слова;

И просветлел мой темный взор,

И стал мне виден мир незримый.

И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо,
И с горней выси я сошел,
Проникнут весь ее лучами,
И на волнующийся дол Взираю новыми очами.
И слышу я, как разговор
Везде немолчный раздается,
Как сердце каменное гор С любовью в темных недрах бьется,
С любовью в тверди голубой Клубятся медленные тучи,
И под древесною корой,
Весною свежей и пахучей,
С любовью в листья сок живой Струей подымается певучей.
И вещим сердцем понял я,
Что все, рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова.
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия Неудержимо к Божью лону.
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,

Чтобы любовью не дышало.

(«Меня во мраке и пыли», 1851, 1852)

Как и в пушкинском «Пророке», который близок образностью к стихотворению А.К. Толстого, в произведении нарисована картина перерождения обыкновенного человека в пророка, поэта под влиянием могущественной Божественной силы любви. Любовь для Толстого всеобъемлющее, высшее понятие, основа, на которой строится жизнь. Одним из проявлений высшей любви является любовь земная, любовь к женщине. Закономерно, что еще в начале своего творчества А.К. Толстой обращается к вечному в мировой литературе сюжету о Дон Жуане. Его драматическая поэма «Дон Жуан» рисует главного героя как подлинного рыцаря любви, и именно любовь открывает «чудесный строй законов бытия, явлений всех сокрытое начало».

Значительное место в поэтическом наследии А.К. Толстого занимает любовная лирика, циклы стихотворений, связанные с образом С.А. Миллер (Толстой). Это такие произведения, как «Средь шумного бала», «Колышется море», «Не верь мне друг », « Когда кругом безмолвен лес », « Что ты голову склонила », «Усни, печальный друг», «Не ветер, вея с высоты», «Минула страсть», «Слеза дрожит» и другие. Любовное чувство выражено Толстым психологически конкретно, точно и просто, иногда даже наивно, но одновременно и утонченно. Толстой разнообразен в формах выражения лирического чувства. Исследователем творчества А.К. Толстого И.Г. Ямпольским отмечено, что слова грусть, тоска, печаль, уныние наиболее часто употребляются поэтом при определении собственных любовных переживаний и переживаний возлюбленной поэта («И о прежних я грустно годах вспоминал», «И думать об этом так грустно», «И грустно так я засыпаю» и др.). В стихотворениях, стилизованных под народные песни, интонация, как правило, иная — удалая, страстная, в них с чувством любви неразрывно связано стихийное чувство свободы, независимости, безрассудности (стихотворения «Ты не спрашивай, не распытывай», «Коль любить, так без рассудку» и др.).

Красотой для А.К. Толстого полон не только мир чувств человека, но и мир природы. Гимн земной красоте звучит в поэме «Иоанн Дамаскин»:

Благословляю вас, леса,

Долины, нивы, горы, воды!

Благословляю я свободу И голубые небеса!

И посох мой благословляю,

И эту бедную суму,

И степь от краю и до краю И солнца свет и ночи тьму,

И одинокую тропинку По коей, нищий, я иду,

И в поле каждую былинку,

И в небе каждую звезду!

Воссоздавая красоту природы, мира, поэт прибегает к звуковым, зрительным, осязательным впечатлениям. Важны для поэта осязательные впечатления. Сам он признавался: «Свежий запах грибов возбуждает во мне целый ряд воспоминаний. ...А потом являются все другие лесные ароматы, например, запах моха, древесной коры, запах в лесу во время сильного зноя, запах леса после дождя ... и так много других..., не считая запаха цветов в лесу». В балладе «Илья Муромец» он пишет:

Снова веет воли дикой

На него простор,

И смолой и земляникой

Пахнет темный бор.

Часто, особенно в ранних произведениях (преимущественно в 1840—1850-е годы), картины природы в поэзии А.К. Толстого сопровождались историческими и философскими размышлениями. Так в знаменитом стихотворении «Колокольчики мои» поэтическая картина природы сменяется раздумьями лирического героя о судьбе славянских народов:

Громче звон колоколов,

Гусли раздаются,

Гости сели вокруг столов,

Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Стихотворение становится современным, сопряженным с раздумьями русской интеллигенции о единстве славянских народов. В более позднем периоде творчества пейзаж в поэзии А.К. Толстого будет самостоятельной и самоценной картиной, лишенной декоративной яркости, непритязательной, реальной, скромной. Ежедневное, будничное по-пушкински поэтически преображается А.К. Толстым:

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,

На луг болотистый спускаясь косогором.

И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Как нехотя свое доканчивают
пенье;

От луга всходит пар...

(«На тяге»)

Пейзажные зарисовки часто смыкаются в произведениях А.К. Толстого с балладными мотивами. В стихотворении «Бор сосновый в стране одинокой стоит» характер пейзажа имеет балладные черты — ночной бор, погруженный в туман, шепот ночного ручья, неясный свет месяца и т. д. Строка «Я люблю в том бору вспоминать старину» навеивает мысль о дальнейшем балладном развертывании сюжета, которого, однако, не происходит.

Для поэзии А.К. Толстого характерен момент недоговоренности, недосказанности. «Хорошо в поэзии не договаривать мысль, допуская всякому ее пополнить по своему», — отмечал поэт в письме 1854 г. к С.А. Миллер. Подобную недосказанность, неисчерпаемость мысли, чувства

можно отметить в стихотворениях «По гребле неровной и тряской», «Земля цвела» и др. В балладе «Алеша Попович» поэт напишет:

Песню кто уразумеет?

Кто поймет ее словами?

Но от звуков сердце млеет,

И кружится голова.

Не только мир красоты становится предметом изображения в творчестве А.К. Толстого. Миру красоты противопоставлен в его поэзии мир светских предубеждений, пороков, мир обыденности, с которым Толстой, как воин, но с «добрым мечом» вступает в сражение. Неслучайно в произведениях поэта часто появляются образы с военной атрибутикой:

Двух станов не боец, но только гость случайный, За правду я бы рад поднять свой добрый меч.

Или:

Господь меня готовил к бою,

Любовь и гнев вложил мне в грудь,

И мне десницею святою Он указал правдивый путь...

Мотивы открытого противостояния злу окружающего мира звучат в стихотворениях «Я вас узнал святые убежденья», «Сердце, сильней разгораясь от году до года» и др. Наиболее сильно, ясно, полемично звучат эти мотивы в стихотворение 1867 г. «Против течения»:

Правда все та же! Средь мрака ненастного Верьте чудесной звезде вдохновения,

Дружно гребите во имя прекрасного Против течения!

В резкой форме мотивы неприятия всего того, что противно красоте, внутренней свободе звучат в юмористических и сатирических стихах А.К. Толстого.

ОБРАЗ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

В ПОЭЗИИ А.К. Толстого

Поэт обладал ярким юмористическим и сатирическим даром. Одной из значительных удач в юмористике А.К. Толстого был созданный им в соавторстве с братьями Жемчужниковыми образ Козьмы Пруткова. Алексей Жемчужников писал об источниках характера героя: «Будучи очень ограниченным, он дает советы мудрости. Не будучи поэтом, он пишет стихи. Без образования и без понимания положения России он пишет “прожекты”... Он воспитанник той эпохи, когда всякий, без малейшей подготовки, брал на себя всевозможные обязанности, если начальство на него их налагало... Кажется, Кукольник раз сказал: “Если Николай Павлович повелит мне быть акушером, я завтра же буду акушером”. Мы всем этим вдохновились художнически и создали Пруткова». Из обширного литературного наследия Козьмы Пруткова перу А.К. Толстого принадлежит не очень большое количество произведений: «Письмо из Коринфа», «К моему портрету», «Древний пластический грек», «Эпиграмма № 1», «Юнкер Шмидт» и др. Часть произведений написана в соавторстве с Алексеем Жемчужниковым: «Осада Памбы», «Фантазия», «Желание быть испанцем», «Звезда и брюхо» и др. Помимо злободневных социально-политических вопросов русского общества А.К. Толстой затрагивает чисто литературные проблемы и создает литературные пародии, в частности на Н. Щербину, А. Майкова, поэтов, писавших на античные мотивы («Письмо из Коринфа», «Пластический грек»). А.К. Толстой не был тенденциозен в сатирических произведениях. Осмеянию он подвергал все то, что с его позиции нарушало законы естественности, свободы, красоты и любви. Поэтому одни произведения были направлены против так называемого демократического лагеря, другие — против официальных правительственных кругов. Демократам были адресованы такие сатирические произведения, как: «Порой веселой мая» (баллада с тенденцией), «Поток-богатырь», «Боюсь людей передовых» и др. К числу вторых относится, например, сатира: «Сон Попова», написанная в 1873 г. и распространившаяся в рукописных списках (опубликован «Сон» был только в 1882 г.), высмеивающая русскую бюрократию, III отделение и др.

ИСТОРИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ А.К. ТОЛСТОГО

Значительное место в поэтическом наследии А.К. Толстого занимают исторические баллады и былины. Причины, которые заставили поэта обратиться к историческим темам, многогранны. В юные годы Толстой работал в архивах Москвы и познакомился с реальными, живыми

документами исторического прошлого России. Кроме того, новый подъем интереса к истории России характерен эпохе (предреформенной и пореформенной) второй половины XIX в. Западники и славянофилы, демократы и почвенники по-своему рассматривали вопросы исторической судьбы России, но интерес к истории отечества был присущ практически всем. Исторические взгляды А.К. Толстого были независимы от политических и литературных партий, своеобразная концепция русской истории начала складываться в мировоззрении поэта в 1840-х — начале 1850-х годов. «...Многое доброе и злое, что как загадочное явление существует поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и темных недрах минувшего», — считал Толстой. Исторические воззрения, выраженные А.К. Толстым как в балладах, так и в прозе (роман «Князь Серебряный») и в драматической трилогии, определяются во многом эмоциональным отношением писателя к условно называемым киевскому и московскому периодам русской истории. Поэт идеализирует домонгольский период истории Отечества, видит в нем выражение доблести народа, проявление нравственной свободы, демократического, справедливого государственного устройства. Древняя Русь домонгольского периода предстает в балладах А.К. Толстого как европейская держава, тесно связанная и находящаяся в родстве с многими европейскими государствами («Песнь о Гаральде и Ярославне»). Вл. Соловьев отмечал, что

А.К. Толстой «...славил, в прозе и стихах, свой идеал истинно русской, европейской и христианской монархии и громил ненавистный ему кошмар азиатского деспотизма». «Азиатский деспотизм» нашел, с точки зрения А.К. Толстого, наиболее яркое воплощение в так называемый «московский период» русской истории. «Ненависть моя к Московскому периоду — некая идиосинкразия, и мне вовсе не требуется принимать какую-то позу, чтобы говорить о нем то, что я говорю. Это не какая-нибудь тенденция, это — я сам».

Первые баллады Толстого появляются в 1840-е годы. Самые ранние из них — «Курган», «Князь Ростислав». В балладе «Курган» нарисован романтически условный образ русского богатыря древнейших времен, о котором сохранились лишь смутная молва и легенды. Однако для поэта «ничто на свете не пропадает, и каждое дело, и каждое слово, и каждая мысль вырастает, как дерево ... и многое доброе и злое ... таит в себе корни в глубоких и темных недрах минувшего». В другой балладе поэт обращается к судьбе князя Ростислава⁵³, но его интересуют не исторические подробности, а трагическая судьба героя.

В первых балладах А.К. Толстого сильно влияние баллад Лермонтова.

Самой значительной из ранних баллад А.К. Толстого является «Василий Шибанов», в которой поэт впервые обращается к наиболее волновавшей его исторической эпохе — эпохе Ивана Грозного. На эту тему затем появятся баллада «Князь Михайло Репнин», роман «Князь Серебряный», трагедия «Смерть Ивана Грозного». Эпоха Грозного поразила Толстого своей трагичностью и сложностью. «При чтении источников, — отмечал писатель, — книга не раз у меня из рук и я бросал перо в негодовании не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования». Поиск положительных героев, которые могли противостоять деспотизму Грозного, привел А.К. Толстого к созданию таких характеров, как Василий

Шибанов и князь Михайло Репнин. Баллада «Василий Шибанов» основана на фактах, отмеченных в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: бегство А. Курбского в Вельмар, письмо Курбского к Грозному, эпизод вручения письма Курбского Шибановым, мужественная смерть Шибанова. А.К. Толстой был поражен мужеством «раба» Шибанова и представил его в балладе как выразителя народной правды, идеального героя. В это время создается и баллада «Князь Михайло Репнин», в которой также нарисован облик мужественного, честного героя. Если Шибанов — «раб», то Репнин — аристократ, но оба они противопоставлены деспотизму царя и опричнине.

В балладах, как часто и в других исторических жанрах, А.К. Толстой, подчиняясь художественным задачам, нарушает ряд исторических фактов. Например, в балладе «Князь Михайло Репнин» он переносит сцену убийства Репнина из церкви в царские палаты, убийство совершено не опричником, а самим царем.

Во второй половине 1860-х — начале 1870-х годов появляются новые баллады на героические сюжеты из истории Новгородской и Киевской Руси. В 1867 г. поэт написал балладу, по его собственному признанию, «лучшую из своих исторических баллад» — «Змей Тугарин». Действие баллады происходит во время киевского князя Владимира. Змей Тугарин, принявший облик поэта, пророчит страшную судьбу Руси:

Но дни, погодите, иные придут,

И честь, государи, заменит вам кнут...

А вече — каганская воля!

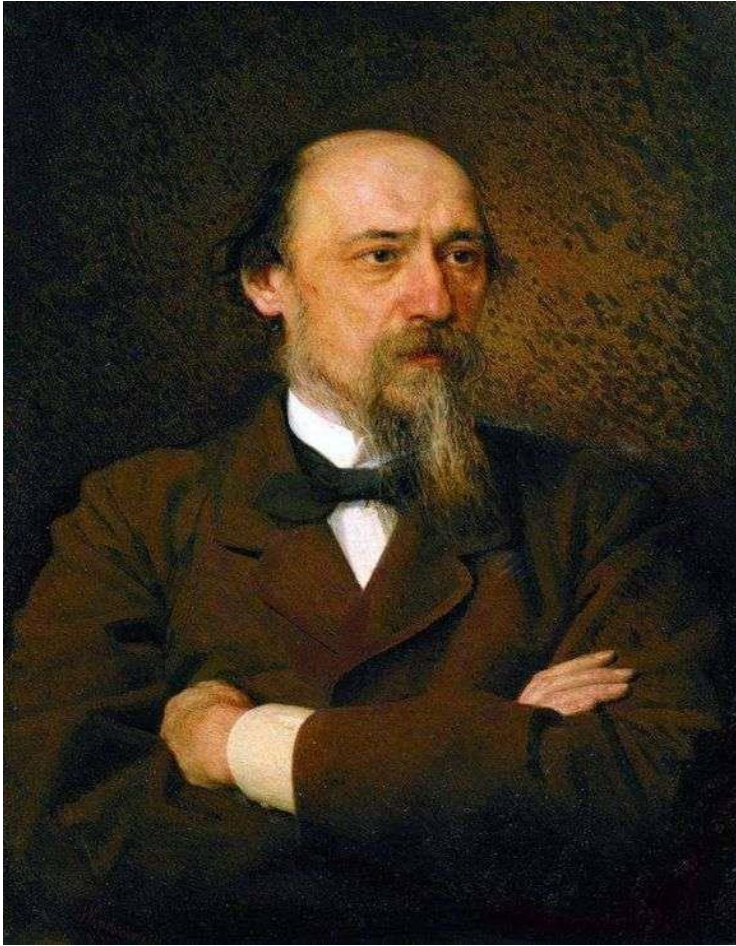
...И вот, наглотавшись татарщины всласть,

Вы Русью ее назовете!

Владимир и его богатыри не верят в предсказания змея, но, с позиции А.К. Толстого, все пророчества сбылись в будущем, «...во всей этой пьесе сквозит современность, — отмечал автор — а потому я позволю себе не быть строгим историком и археологом».

А.К. Толстой написал ряд баллад, названия которых соответствовали названиям русских былин: «Илья Муромец», «Садко» и др. Эти произведения, особенно баллада «Илья Муромец», имели широкий резонанс в публике. Так, Н.С. Лесков, создавая образ Ивана Флягина из повести «Очарованный странник», отмечает, что его герой напоминает Илью Муромца с картины Верещагина и из баллады А.К. Толстого

Тема: Стихотворения: «Родина», «Элегия» («Пускай нам говорит изменчивая мода...»), «Вчерашний день, часу в шестом...», «Еду ли ночью по улице темной...», «В дороге», «О Муза, я у двери гроба...»,
Теория литературы. Народность литературы. Стилизация.



ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ И ИДЕИ ЛИРИКИ Н.А.НЕКРАСОВА. Некрасов отдал дань романтизму сборником стихотворений "Мечты и звуки" (1840), жестоко осужденным, даже высмеянным тогда же Белинским. Зрелый Некрасов, начиная со стихотворения "В дороге" ("Скучно? скучно!... Ямщик удалой...") 1845 года, является продолжателем пушкинской линии в русской поэзии - по преимуществу реалистической. В некрасовской лирике есть лирический герой, но единство его определяется не кругом тем и идей, связанных с определенным типом личности, как Лермонтова, а общими принципами отношения к действительности. И здесь Некрасов выступает как выдающийся новатор, существенно обогативший русскую лирическую поэзию, расширивший горизонты действительности, охваченной лирическим изображением. Тематика Некрасова-лирика разнообразна. Первый из художественных принципов Некрасова-лирика можно назвать социальным. Узкий круг лирической тематики он дополнил новой темой- социальной. Вспомним хрестоматийные строки 1848 года "Вчерашний день, часу в шестом". В своем последнем стихотворении "О Муза, я у двери гроба" поэт последний раз вспомнит "эту бледную, в крови,/ Кнудом иссеченную Музу". Источник вдохновения поэта, Муза, у Некрасова - родная сестра несчастных,

подвергаемых насилию и угнетению. Не любовь к женщине, не красота природы, а страдания замученных нуждой бедняков - вот источник лирических переживаний во многих стихах Некрасова. Причем эта социальная тема меняет характер и собственно любовной лирики Некрасова. "Ночь. Успели мы всем насладиться. Что ж нам делать? Не хочется спать", - начинается стихотворение 1858 года. И герой предлагает помолиться за тех, "кто все терпит", "чьи работают грубые руки,/ Предоставив почтительно нам/ Погружаться в искусства, в науки,/ Предаваться мечтам и страстям". Ясно, что дворянин по происхождению, Некрасов выражает здесь сознание разночинца, истинного демократа, знающего темные стороны общественного бытия, испытавшего на себе голод и холод, не умеющего, не способного дворянски брезгливо и спесиво отвернуться от изнанки жизни. В то же время лирический герой Некрасова не просто разночинец, а разночинный интеллигент. Вот еще один шедевр некрасовской любовной лирики "Я не люблю иронии твоей" (датируется предположительно 1850 годом и тоже предположительно обращенное к К. Я. Панаевой). Одновременно это и образец интеллектуальной поэзии, герой и героиня культурные люди, в их отношениях ирония и, главное, высокий уровень самосознания. Они знают, понимают судьбу своей любви и заранее грустят. Воспроизведенная Некрасовым интимная ситуация и возможные пути ее разрешения напоминают отношения героев Чернышевского "Что делать?". Ярчайшим проявлением новой лирической темы - социальной - стало стихотворение "Еду ли ночью по улице темной" (1847). Это душераздирающая история женщины, которую нужда, голод и смерть ребенка выгнали на панель. "Беззащитная, больная и бездомная", женщина вызывает жалость, но нет возможности помочь несчастной жертве социальной неустроенности. Из этого же ряда многие стихотворения 40-50-х годов: "В дороге". "Перед дождем", "Тройка", "Родина", "Псовая охота", маленький цикл "На улице", "Несжатая полоса". "Маша". "Тяжелый крест достался ей на долю", " В больнице". Пафос этих стихотворений, источник лиризма в них суммируется и обобщается в небольшой поэме "Рыцарь на час" (1862), особенно в знаменитых строках:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви,

Эти строки волнуют и сегодня. Второй художественный принцип Некрасова-лирика - социальный анализ. И это было новым в русской поэзии, отсутствующим и у Пушкина, и у Лермонтова, тем более у Тютчева и

Фета. С дошкольного возраста мы помним стихи "Однажды, в студеную зимнюю пору" - про мужичка с ноготок. Но не все знают, что предшествует этому отрывку в стихотворении "Крестьянские дети", где герой оборачивает "другой стороною медаль" крестьянского детства: "Положим, крестьянский ребенок свободно растет, не учась ничему, Но вырастет он, если богу угодно, А сгибнуть ничто не мешает ему". То есть герой некрасовской лирики умеет видеть социальный смысл воспроизводимых явлений и придавать его своим вполне лирическим излияниям. Иными словами, носителем, субъектом социальной типизации оказывается не только автор, но и его лирический герой. Социальный анализ пронизывает два известнейших стихотворения "Размышления у парадного подъезда" (1858) и "Железная дорога" (1864). В "Размышлениях..." конкретный единичный факт - приход мужиков с просьбой или жалобой к министру государственных имуществ - возводится в ранг типичного явления: "Знать, брели-то долгонько они/ Из каких-нибудь дальних губерний". Лирический герой домысливает то, что на увиденных им из окна мужиках, как говорится, не написано. То же в четверостишии "За заставой, в харчевне убогой...", строки 86-89 и, наконец, знаменитый финал стихотворения "Назови мне такую обитель...". За "Железную дорогу" редактор "Современника", где она впервые была напечатана, и он же автор стихотворения получил второе, предпоследнее предупреждение о возможном закрытии журнала от самого министра внутренних дел, известного автора либерально-реформаторских проектов.. Вторая и четвертая части стихотворения, проведенный в них социальный анализ выливались в страшное обвинение правительства в геноциде, как сказали бы сегодня, и спаивании собственного народа. Столь же социально заострено и презрительное отношение Ванюшиного папаши-генерала к каторжному труду простого народа. Два принципа отражения действительности в некрасовской лирике закономерно выходили на третий принцип - революционность. Лирический герой поэзии Некрасова убежден, что только народная, крестьянская революция может изменить жизнь России к лучшему. Два разобранных выше стихотворения вполне ясно иллюстрируют этот принцип: отрывок "Назови мне такую обитель" из "Размышлений" и последние три строфы второй части "Железной дороги". Революционность сознания лирического героя Некрасова придавала его стихам агитационно-пропагандистский характер. Особенно сильно эта сторона сознания лирического героя проявилась в стихотворениях, посвященных сподвижникам Некрасова по революционно-демократическому движению, другим вождям этого движения: Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому, Писареву. Некрасов в обрисовке их личностей исходит из

того, что революционно-демократическая деятельность является самым завидным и желанным уделом, и вообще роль "народного заступника" для Некрасова есть, используя формулу Фета, "патент на благородство" для любого честно мыслящего современника. Черты вождей революционной демократии приобретают иконописный характер, их жизненный путь представляется в традициях жития мученика-аскета, подвижника за народ. Таково стихотворение "Памяти Добролюбова" (1864). В его содержании не стоит выискивать реальных или вымышленных черт, в нем воспроизведено преимущественно должное. Безвременно скончавшийся критик в некрасовском стихотворении не есть конкретный, живший когда-то человек, а "идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбова", как позднее признавался сам автор. Обычно Некрасова представляют поэтом деревенско-крестьянской тематики. Но есть у него и урбанистическая лирика, т.е. стихи о городе, в которых он выступает достойным продолжателем петербургских страниц "Евгения Онегина" и "Медного всадника" и предшественником Блока. Гениальным образцом стихотворения о большом городе с его социальными драмами является "Утро" (1872-73 гг.). Но три первые строфы (из 9) в нем не городские. Сначала поэт обращается к "ней", связывая ее грусть и душевные страдания с "окружающей нас ницетою", с которой "здесь природа сама заодно". "Хоть плачь?", "Но не краше и город богатый". В стихотворении воскрешаются мотивы ранних "городских" стихов: "Еду ли ночью", "На улице", "Убогая и нарядная" (1859), цикла "О погоде" (1858-65 гг.). Жизнь города ужасна, никакой отрады для измученной души героя в ней нет. Прежде всего, в городской суете нет смысла, трудовые усилия обитателей столицы отчуждены от них: дела их налицо - лиц, людей не видно: "железной лопатой... мостовую скребут", "начинается всюду работа", "возвестили пожар с каланчи", "на позорную площадь кого-то провезли" - преобладают безличные и неопределенно-личные конструкции. То же и в последних строках: "кто-то умер", "где-то раздался выстрел". Человеческие фигуры в стихотворении символизируют отчужденность людей друг от друга и от жизни - смерть. Первыми, если не лицами - лиц нет, - то первым родом деятельности, встречаемым в стихотворении, оказывается работа палача. Сейчас они произведут гражданскую казнь, т.е. ритуал публичного лишения гражданских и политических прав. Затем мы видим офицеров, едущих на дуэль. Еще целый ряд образов проходит перед нами. Торговля, этот двигатель буржуазного прогресса, у поэта революционной демократии - торжество бессмыслицы: "Торгаши просыпаются дружно И спешат за прилавки засесть: Целый день им обмеривать нужно, Чтобы вечером сытно поесть". Всего лишь. Понятно,

что певец капиталистического Петербурга не был поклонником и сторонником капитализма. А вот отголоски литературных предшественников Некрасова: "Чу! из крепости грянули пушки! Наводнение столице грозит", - эхо "Медного всадника", но в совершенно другой эмоциональной окраске. Избиение вора дворником уже не вызывает в душе героя тех чувств, того сочувствия, которым проникнута сценка поимки вора в цикле "На улице". Слова "колотит" и "попался" -- низкая лексика, просторечие: "Опять вор! Опять бьют". "Гонят стадо гусей на убой" - понятно: чтоб есть. И заключительный аккорд - самоубийство на чердаке - лучше не придумаешь в этой юдоли! Впрочем, нет ни заключения, ни аккорда, ибо в конце стихотворения не точка, а многоточие, т.е. этот бессмысленный ряд можно длить бесконечно. Некрасов оборвал свое гнетущее, сводящее с ума и в могилу обозрение столичной жизни на полуслове... Под стать эмоциональному колориту стихотворения размер - трехстопный анапест, напевно-тягучий и заунывный. Поется тяжело, мелодия скрипит и буксует: размер нарушают сверхсхемные ударения в начале стиха: "Верю - здесь не страдать мудрено"; "Вдаль сокрытую...", "Жутко нервам..."; "Чу! из крепости..."; "Выстрел - кто-то покончил с собой...". Большинство произведений русской классики сочетают художественную неувядаемость с глубиной и поистине неисчерпаемостью смысла. К сожалению, поэма "Кому на Руси жить хорошо?" не из их числа. Она прямолинейна в своей однозначности, трудно заключить о глубине ее содержания. Поэтому мы рекомендуем нашим читателям еще раз перечитать ее текст перед экзаменом или иным образом освежить в памяти ее содержание.

Задания и вопросы для самоконтроля:

1. Какая тема наполняет поэзию этих поэтов?
2. Что общего в поэзии?
3. Выучите на память по одному понравившемуся стихотворению всех авторов.